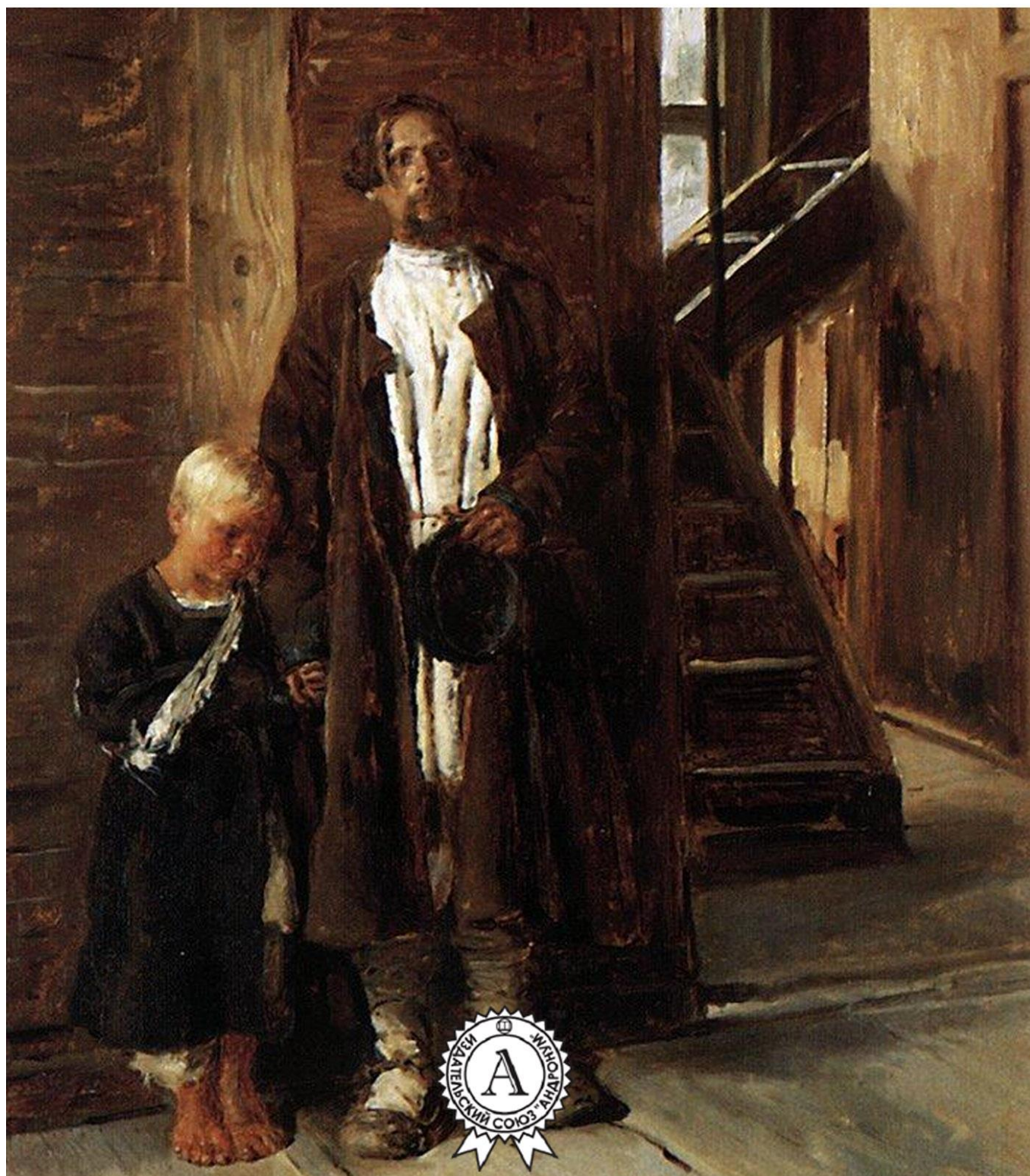

Д. В. Григорович

**АКРОБАТЫ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ**

«Акробаты благотворительности» — увлекательная повесть русского писателя-реалиста Дмитрия Васильевича Григоровича (1822–1900).

В этом произведении изображены мнимые филантропы, которые используют благотворительность в корыстных целях, в то время как до нуждающихся доходит лишь малая толика пожертвований.

Д. Григорович также известен как автор произведений «Бобыль», «Неудавшаяся жизнь», «Капельмейстер Сусликов», «Прохожий», «Смедовская долина», «Свистулькин», «Пахарь», «Кошка и мышка», «Пахатник и бархатник».

Дмитрий Васильевич Григорович стал знаменитым еще при жизни. Сам будучи дворянином, он прославился изображением быта крестьян и просто бедных людей.

Дмитрий Григорович

АКРОБАТЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Повесть

... «Служение общественной пользе! Благотворительность! То и другое святое дело, если только руководят ими искреннее чувство и убеждение...»

Аббат Ламенэ

«Глядишь, сеют рожь, а выходит ложь».

Русская поговорка.

I

В одной из улиц Петербурга находится большое каменное здание, сооруженное в двадцатых годах нашего столетия; вы отсюда уже видите характер архитектуры: наверху неизбежный треугольный фронтон; ниже ряд толстых колонн, заслоняющих свет в средней части бель-этажа; еще ниже — совсем уже ни на что не нужный выступ с пятью арками; в средней арке помещается подъезд. К нему, в последнее время, приделали крытый железом намет на чугунных столбах.

Многие годы дом окрашивался краской цвета крутого желтка; цвет был тогда в моде. Но с тех пор произошли значительные перемены: нравы умягчились, вместе с ними умягчился вкус, и дом перекрасили в одноцветный жидко-серо-молочный цвет, не выключая колонн и фронтона. Не изменилось одно только: мостовая. Известно, что в наших городах вообще экипажи не столько катятся, сколько подскакивают, и возницы не столько правят вожжами, сколько дергают; но здесь уже просто, как говорится, вышибало из сиденья и часто ломались оси.

При доме находился, однако же, экзекутор; но жалованье получал он маленькое, детей имел кучу и по необходимости посвящал большую часть времени собственным двум дачам на Черной речке; к дачам прилегал хозяйственно устроенный огород, снабжавши окрестных жителей прекрасной и даже недорогой клубникой. Служебные его обязанности, главным образом, сосредоточивались на квартире начальника, которая помещалась в бельэтаже, — и с этой стороны, надо отдать справедливость экзекутору, он был безупречен: камин и печи никогда не дымили, полы натирались до зеркальности, мебель и ковры всегда тщательно выбивались, дверные ручки и ключи поворачивались как в масле, все блистало чистотою и показывало примерное усердие. Последнее качество заслуживало тем больше внимания, что экзекутор никогда почти не встречал начальника, ни разу не удостоился от него похвалы.

Начальник был человек превосходный, с мягкой душой и великодушным сердцем; но он стоял на такой высоте, откуда можно было видеть только крупные предметы. Постоянно озабоченный самыми сложными и разнообразными вопросами, постоянно устремляя взор на дальние горизонты, он проходил обыкновенно мимо, изредка кивая головою, часто даже не отдавая себе отчета в том, кому кивал и кто ему кланялся. Он вряд ли даже подозревал, о существовании экзекутора. Еще труднее было ему заметить неисправность мостовой, так как на всех его экипажах шины постоянно перетягивались толстым обводом из гуттаперчи.

В июле месяце, часу в десятом утра, парадная дверь описанного здания внезапно отворилась; на пороге ее показался швейцар. Он был пока запросто: парадная форма и перевязь заменялись длиннополым синим сюртуком и белым галстуком; но галун на фуражке и гербовые пуговицы на сюртуке достаточно указывали его звание. Из-за швейцара просунулся бочком румяный, как амур, курьер, с бляхой на груди, крутыми завитками на голове и толстым туловищем на коротких ножках.

Курьер закурил папироску; швейцар попросил у него огня; но, в ту же минуту, из-за угла показалась крытая коляска и прямо покатила к подъезду.

— Воскресенский! шепнул курьер, поспешно бросая папиросу и затапывая ее подошвой.

— Вижу! отозвался швейцар, повторяя то же движение.

Не дав экипажу окончательно остановиться, оба с озабоченными лицами ринулись вперед, отстегнули фартук коляски и принялись бережно, почтительно высаживать длинного согбенного господина, который, как только стал на ноги и выпрямился, оказался совсем еще не дряхлым человеком, — лет пятидесяти, не больше, — но уже значительно поседевшим. Волосы его не столько, впрочем, были белы, сколько отличались мутно-зеленоватым отливом; золотые очки, низко сидевшие на переносице, открывали пару выпуклых близоруких беловатых зрачков, которые мигали и щурились, как глаза совы, неожиданно выставленной на солнце. Несмотря на июль месяц, он был в теплом ватном пальто и резиновых калошах, надетых на огромные плоские ступни с наростами подле большого пальца в виде луковиц. Малокровие,

заставлявшее его зябнуть в то время, как другие не знали куда деваться от жары, достаточно, впрочем, подтверждалось мутно-золотушным цветом худощавого лица, обтянутого дряблой, расслабленной кожей. В целом, приезжий имел вид чего-то мягкого, разварного, замшевого и унылого, но, вместе с тем, было в нем также что-то вкрадчивое, подползающее, невольное, со стороны, внушавшее чувство осторожности.

— Афанасьев, медленно проговорил он, обратясь к курьеру, — возьми портфель из коляски; возьмешь также заодно ящик, завернутый в бумагу; но только осторожней; не толкни как-нибудь; то и другое снесешь в приемную...

— Слушаю, ваше превосходительство!

Пока курьер хлопотал в коляске, приезжий, сопровождаемый швейцаром, продолжавшим бережливо поддерживать его под локоть, успел пройти в прихожую, — просторную, высокую комнату на сводах; вся нижняя часть стен в промежутках, остававшихся свободными от э дверей и окон, была обита лакированным деревом с бесчисленным множеством вешалок; под выступающим карнизом выдвигался ряд стульев с прямыми спинками; перед одним из окон находился стол с чернильницей и толстыми книгами, где расписывались приезжающие и отмечались адреса. Прихожая освещалась, с одной стороны, окнами на улицу, с другой — широкой парадной лестницей.

— Позвольте вас почистить, ваше превосходительство. Вы изволили запылиться, озабоченно произнес швейцар, подбегая со щеткой, которая как бы скрывалась наготове в его рукаве и вдруг оттуда выскочила. — Теперь сухо, ваше превосходительство; изволили с дачи приехать — мудрено ли запылиться? добавил он с подобострастной фамильярностью служителей, обращающихся к важным лицам, давно знакомым и близко стоящим к высшему начальству.

Отдавая себя в руки швейцара, г. Воскресенский ограничился тем, что поправил очки и снял шляпу, которую живо подхватил другой курьер, выскочивший из боковой двери,

В вицмундире, из-под борта которого скромно выглядывал угол звезды, г. Воскресенский показался еще худощавее и тщедушнее; унылое лицо его заметно, однако же, выказало здесь больше живости, самые движения стали бодрее; даже кончики фалд на вицмундире как бы сами собой затрепетали, напоминая перо рыбы, неожиданно опущенной в воду. Он, очевидно, чувствовал себя здесь на своей почве.

Лицо г. Воскресенского, освобожденное от шляпы, близко напомнило старую лисицу. Все черты стягивались к заостренному холодному хрящичку носа, который, казалось, не столько вдыхал воздух, сколько постоянно что-то обнюхивал; к сходству прибавляли также большие уши, торчавшие навывлет и кончавшиеся острьяками на верхней части. Впечатление смягчалось несколько сединою волос, спускавшихся вдоль щек жидкими плоскими прядями; в них точно так же было что-то расслабленное, как бы страдавшее от недостатка питания на их почве. То же самое можно было сказать о глазах с их беловатыми выпуклыми зрачками, окаймленными красными опухшими веками; они также казались утомленными и расслабленными, также смотрели вниз, отвечая на вид тихому голосу и мягким движениям их владельца.

— Никого еще нет? — спросил он, указывая глазами на парадную лестницу.

— Никак нет, ваше превосходительство! отвечали в одно время и с одинаковой поспешностью швейцар и курьер.

— Кто сегодня дежурный?

— Господин Стрекозин.

Г. Воскресенский направился к парадной лестнице, открывавшейся светлым пятном между двумя колоннами, отполированными под мрамор; освещаясь справа окнами второго этажа, лестница после первой площадки делилась на две части, подымавшиеся параллельно одна другой; они приводили на верхнюю площадку, украшенную такими же колоннами, как при вход; ковровая полоса красного цвета, перехваченная у каждой ступени медным вылощенным прутом, занимала середину лестницы и прекращалась у входа в большую светлую залу, украшенную лепной работой.

Войдя в нее, г. Воскресенский тотчас же взял влево, отыскал ручку незаметной двери и отворил ее тае же спокойно, как у себя дома; миновав большую столовую, он перешел в буфетную, обставленную высокими шкапами; сквозь стекла виднелись серебро и всякого рода посуда.

Боковая часть стены забрана была изразцами и тут же выставлялась плита, подле которой стоял кухонный мужик В красной рубашке и белом переднике; против плиты, перед окном, раскидывался длинный липовый стол; на нем красовался серебряный поднос, уснащенный чайным прибором, корзиной с хлебом, маслом и яйцами, глядевшими из-под салфетки с вытканым гербом на углу. Перед подносом хлопотал величественного вида буфетчик во фраке, белом галстуке и вязаных перчатках; обстрижен он был под гребенку; лицо его, круглое, как пузырь, и выбритое под атлас, сияло важностью и довольством.

Оно проявило все признаки радостного оживления, как только в дверях показался г. Воскресенский.

— Ах, ваше превосходительство, как рано изволили пожаловать! воскликнул он, раскланиваясь.

— Что, как его сиятельство? Встал? проговорил г. Воскресенский, снисходительно кивая головою.

— Только что перешли в уборную; не прикажете ли чаю, ваше превосходительство?

— Нет, спасибо... А что подельывает мой крестник, как учится? осведомился неожиданно г. Воскресенский, выказывая участие, которого, впрочем, не чувствовал.

— Благодарю вас покорно; перешел во второй класс гимназии... Все вас надо благодарить, ваше превосходительство...

— Ну, полно, полно...

— Помилуйте, как же! Не вы ли изволили определить его на казенный счет? Нам никогда бы этого не добиться, потому, как вам известно, его сиятельство в это не входят...

— Очень рад, очень рад, перебил г. Воскресенский, — я всегда рад, когда могу сделать доброе дело...

— Всем нам это очень хорошо известно... Мы это чувствуем, произнес буфетчик, переменяя несколько свободный тон на почтительный и даже расчувствованный.

В эту минуту из отдаленных комнат послышался звонок.

Буфетчик ухватился обеими руками за поднос и с торопливой заботливостью спросил, проходя мимо:

— Прикажете сейчас доложить?

— Пожалуй... впрочем, я не тороплюсь... Во всяком случае, я буду там в приемной, заключил г. Воскресенский, выходя из буфетной.

Минуту спустя он снова очутился у входа в белую залу. Отсюда открывалась целая перспектива парадных комнат, которые оканчивались приемной. Войдя в нее, он подошел к столу, на котором уже лежал его портфель и сверток, обернутый бумагой и припечатанный сургучом. Сорвав печати, г. Воскресенский выложил на стол деревянный резной сигарный ящик с застежками из кованого железа и еще дамский несессер, украшенный инкрустациями из цветного дерева. Не отдавая большого внимания этим предметам, он равнодушным взглядом окинул стены приемной и, заложив руку за фалды вицмундира, принялся медленно расхаживать по всей амфиладе парадных комнат, обставленных тяжеловесною мебелью тридцатых годов; она была обита штофом разного цвета, согласно с цветом стен, Там, где не было ковров, паркет везде лоснился, отражая блеск окон и зеркал, расположенных в простенках.

Несмотря на смертную скуку, распространяемую этими комнатами, — скуку, которую не только не выкупали, но еще усиливали размеры архитектурных линий, высота стен и окон, пестрота больших казенных фарфоровых ваз в углах, массивные канделябры и часы на каминах, — они, тем не менее, производили внушительное действие; невольное чувство заставляло осматриваться, понижать голос и не стучать каблуками.

По привычке, вероятно, проходить эти залы, г. Воскресенский не ощущал, по-видимому, ничего подобного. Он, правда, не столько шагал, сколько скользил на мягких своих подошвах; плоские его ступни с выдающимися луковичами у большого пальца двигались смело, упирались в ковры и паркет с приметной самоуверенностью. Постарелый вид сапогов, вицмундир с истертым бархатным воротником, галстук, небрежно повязанный, подтверждали также его бесцеремонное отношение ко всему окружающему.

Если улыбка самодовольствия показывалась иногда на бледных губах его, если самый взгляд изменял обычному тусклому выражению, тут нет ничего удивительного. Он был здесь наедине с самим собою; ему, наконец, не к чему было стесняться, не зачем было себя насиловать: смиренный взгляд, мягкие движения, тихий голос давно уже сделали свое дело, давно упрочили ему известность человека, в высшей степени благонамеренного, снисходительного, услужливого, не считая репутации человека высокой нравственности и глубокого благочестия, приобретенной им в кругу знатных благотворительных старух, где он преимущественно вращался.

Общественное положение г. Воскресенского было делом рук его; он мог им не гордиться. Твердая поступь, равнодушие к окружающей обстановке, самодовольная улыбка выражали здесь сознание удовлетворенного тщеславия, уверенность достигнутой цели.

Приговор тщеславным людям так же вообще несправедлив, как приговор самому тщеславию, считающемуся предосудительным чувством. Здесь, как и везде, все основано на оттенках; отличие оттенков основывается в свою очередь, на руководящем двигателе, на поводе или мотиве, как теперь выражаются. Одним тщеславие помогает исполнять великие общественные задачи; другим служит орудием для достижения личных целей. Там, где первые прорываются ядром, вылетевшим из пушки, и пролетают со свистом большое пространство, другие тихо, незаметно проскользают и, как холера, действуют в более тесном горизонте. Но, во всяком случае, как там, так и здесь, требуется расход известной силы, требуется присутствие внутреннего подъема, излишек чего-то такого, что вообще не сплошь и рядом встречается в людях; нужен особый темперамент, нужно больше фосфора в костях, больше железа в крови. Против даров природы ничего не поделаешь. Они так могущественны, что, доставшись случайно посредственности, выдвигают ее часто скорее истинных способностей и даже таланта. В данном случае, посредственные люди действуют почти одинаково. Наметив себе известную цель, они сначала бывают осмотрительны, как кошки, выносливы, как ломовая лошадь, терпеливы, как башмак, готовы подставлять спину под удары. Сила воли, направленная на одну точку, тем не менее, продолжает делать свое дело: она долбит и просверливает, не

останавливаясь ни перед какими препятствиями. Пробиваясь постепенно вглубь с тем же упорством, как червь точит дуб, они, чем дальше, тем меньше стесняются в способах действий, — в случае надобности, готовы вырезать бирюльки из костей родной матери. Наконец, дуб просверлен во всю длину, свет показался, — цель достигнута! Постоянная борьба против препятствий, необходимость пролезать сквозь гнилушки, встреча с другими червяками, которых надо было загрызть, чтобы прочистить себе дорогу, — все это, конечно, не прошло им даром, уходило их физически, часто износило до ворса; но, взамен этого, все это настолько же помогло им укрепиться духом, закалило в них настойчивость и усилило жадность, развило смелость и, вместе с нею, непреодолимое желание выместить на плечах других пройденные испытания. Дальнейшие действия зависят уже от личного характера. Одни, вооружившись внезапно дерзостью и нахальством, плотно врезают свои каблуки на ступеньках, по мере того, как выше восходят; другие продолжают подвигаться на замшевых подошвах, тщательно скрывая, под видом кротости, преданности и смирения, настоящие свои чувства. У первых самодовольство выражается явно, сияет в глазах и румянит щеки; у вторых оно проявляется едва заметно, в смиренной улыбке, мягких движениях, тихом, вкрадчивом голосе. Последние всегда опаснее; это те самые лица, о которых говорят обыкновенно: «не клади пальца в рот — откусит!»

II

Так как представился теперь удобный случай, не лишним было бы короче познакомить читателя с г. Воскресенским.

Он был из духовного звания. Благодаря сердобольной помещице того села, где жил его отец, он миновал семинарию и поступил в уездное училище. Учился он плохо; его, без сомнения, клали бы на скамью и секли каждую субботу, если б не выручали, с одной стороны, крайне тщедушный вид, но, главным образом, хорошие отметки в благонаравии. Этим почти и ограничиваются сведения о его детстве. Неизвестно даже, кончил ли он или нет курс ученья. Несомненно только, что девятнадцати лет он находился в провинции и пробивался своими средствами, переписывая по найму бумаги в канцелярии гражданского губернатора.

Губернатор был стар и брюзглив, детей не было, — супруга его тосковала. Подобно большей части тоскующих жен, губернаторша сначала ездила по монастырям, но вскоре утомилась и предпочла искать удовлетворения на почве благотворительности; последнее, к тому же, выставляло ее на вид независимо от положения мужа, — чего страстно добиваются многие, даже счастливые жены, — и способствовало распространению ею популярности в губернии.

В рвении своем она редко обращала внимание на то, что беспрестанно отымала у мужа полезных деятелей его канцелярии; стоило определить кого-нибудь, — смотришь, он уже бегаёт по делам губернаторши. «Ты, душенька, опять лишила нас чуть ли не лучшего писца!.. Не помню, как его зовут, но только у него прекрасный почерк и правитель канцелярии весьма им дорожил»... — «А, знаю, — Воскресенский, бледный такой... Найдешь себе другого!.. Он мне очень нужен», — возразила, не стесняясь, губернаторша.

Воскресенский оказался действительно полезным. Не считая хорошего почерка, он отличался примерным усердием и аккуратностью. Куда бы ни шла губернаторша, он всегда был у нее на глазах; когда давались ему поручения, они исполнялись с точностью и быстротою, которые могли бы обратить на него внимание самого Аракчеева. Вскоре открылись еще другие качества. Благодаря ему, губернаторша стала вдруг яснее видеть в делах благотворительности, руководимых ею: она узнала, где кроются злоупотребления, провела о том, кто более или менее надежен, кого следовало удалить, кого оставить пока под присмотром. Воскресенский никогда, собственно, не наговаривал; смиренно держась в стороне, он ждал всегда настоятельных вопросов, видимо стеснялся тем, что должен был высказать; чаще всего он сожалел, старался даже оправдывать; в конце концов выходило так, однако ж, что лицо, о котором говорилось, всегда было кругом виновато. Он не замедлил выказать такую же деятельность при исполнении личных поручений по дому губернаторши и ей хозяйству: покупал, заказывал, чинил, подкрашивал и подклеивал, — словом, горазд был на все руки. Последнее невольно приблизило его к губернатору. Желая вознаградить чем-нибудь усердие молодого человека, он дал ему одно из тех мест, которое, обеспечивая его в материальном отношении, не мешало ему, вместе с тем, заниматься жениными поручениями.

Мало-помалу Воскресенский, — которого больше звали теперь Иваном Иванычем, — сделался у губернатора чем-то в роде «домашнего человека». Способ этот переходить к частным поручениям начальника и здесь преимущественно выказывать преданность и усердие, сделался для Воскресенского правилом всей его жизни. Он с первых шагов понял, что таким способом всего успешнее проходят в люди. Откуда взялось вдруг тщеславие у бедного провинциального писаря? Где заразился он желанием выскочить из скромного своего положения? Отвечать на это так же трудно, как указать вообще на источник

человеческих свойств и способностей; факт тот, что чем больше они прирождены у человека, тем всегда надежнее их развитие и, впоследствии, упорнее их действие.

«Дорогой друг, — неоднократно писала губернаторша брату, занимавшему в Петербурге важный административный пост, — мы только и слышим от вас жалобы: людей нет! Une vraie dissette!.. Охотно верим. В Петербурге их точно труднее найти; всему виною, конечно, испорченность нравов; но люди есть! Их только надо искать в глуши, в нашей доброй провинции, сохранившей пока еще — Dieu merci! — свои чистые патриархальные предания. Мы уже не раз писали тебе, что на этот счет не можешь жаловаться; между прочим, мы нашли истинно драгоценного человека, — une perle! Способности, усердие, честность, преданность — rien ny manque!»

Бывая в Петербурге, губернаторша расхваливала всякий раз своего protege с таким увлечением, что брат полубопыстствовал, наконец, взглянуть на «сокровище». Особенного желанья у него не было; оно вырвалось вскользь, мимоходом, скорее чтобы сделать удовольствие сестре. Но этого уже было достаточно. Месяц спустя, Воскресенский явился в Петербург к сановнику с письмом от сестры и зятя.

Сановник был несколько озадачен неожиданным появлением «сокровища». Он совершенно забыл о его существовании и в первое время решительно не знал, что с ним делать и куда его деть.

На каждое открывшееся место были десятки кандидатов, не считая тех, о ком настоятельно просили лица, которые отказать не только было трудно, но самому не было расчета. В Петербурге оставалось тогда одно свободное место: Исаакиевская площадь, но и ту уже думали занять садом. В желании скорее угодить сестре, сановник поспешил отрекомендовать «сокровище» одной знатной даме, игравшей в Петербурге ту же роль по части благотворительности, какую сестра его забавлялась в провинции.

Ивану Иванычу на роду, видно, было написано испытывать покровительство прекрасного пола. Он сам, впрочем, охотнее склонялся в эту сторону; здесь почва была мягче и легче было ее обрабатывать.

Он и здесь точно так же успел вскоре показать себя и сделаться необходимым. Подходы были все те же: смирение и преданность; к ним присоединилась еще практичность, бывшая у него в зародыше; но Петербург ее спрыснул и она развилась с замечательной быстротою.

До появления Воскресенского, приюты, дешевые столовые, благотворительные лотереи, богадельни и комитеты, находившиеся под покровительством знатной дамы, шли из рук вон плохо. Горе заключалось не в недостатке деятелей: их было сколько угодно; все дамы, имевшие повод быть недовольными мужьями, осиротевшие вдовы, застарелые тоскующие девицы, все наперерыв стремились помогать общеплезному и благотворительному делу; к ним примыкал целый легион живой, восприимчивой молодежи: но, сколько мог заметить Иван Иваныч, женский пол больше суетился и путал, молодые люди больше искали случая зацепить крестик или украсить камер-юнкерским мундиром. «C'est desperant!!» — повторяла знатная дама, признаваясь, что начинает уже, наконец, падать духом.

Дух этот восстановил Воскресенский, указав ей, смиренно и без шума, на злоупотребления и способы их исправить. Без малейшего намека с его стороны, но по самому ходу дела и для выгоды последнего, знатная дама нашла необходимым сделать, как говорится, положение своему помощнику, то есть определила его на службу и выхлопотала ему теплое место. Она не ошиблась в расчете. Желая доказать свою признательность, Воскресенский явился к ней с проектом о дозволении носить красные панталоны лицам купеческого звания в обмен за пособия¹ в пользу общества, имевшего целью распространение нравственных правил в низменных классах петербургского населения и преимущественно между ломовыми извозчиками.

Проект не был приведен в исполнение. Он давал действительно такие выгоды и преимущества, которые легко могли подорвать существование множества других благотворительных и общеплезных учреждений. Председательницы самых враждебных лагерей, на этот раз, соединились и единодушно восстали. Каждая, тем не менее, как только прошла буря, поспешила сблизиться с составителем знаменитого проекта. Он сделался вскоре между дамами предметом зависти; каждая старалась притянуть его на свою сторону. Угождая всем, по мере возможности, он, в то же время, старался быть полезным на службе. Чины и кресты шли своим чередом; он добивался того и другого, но служба собственно не составляла прямой его цели: она была только средством для приобретения известного положения; последнее было необходимо, потому что давало возможность существенно приносить пользу влиятельным благотворительницам, которые, в свою очередь, существенно помогали делать карьеру. В дамских кружках популярность Ивана Иваныча росла с каждым годом. Никакое новое общество, — если только оно возникало под знаменем милосердия, пользы и добра ближнему, — не могло обойтись без Воскресенского; участие его служило гарантией процветанию. Многие общества возникли потому только, что основная мысль, проект и, наконец, самый устав принадлежали Ивану Иванычу.

¹ В проекте сказано было: посильные пособия.

Всем было, например, очень хорошо известно, что баронессе Бук, трудившейся специально над устройством карьеры бесчисленных ее родственников и занимавшейся благотворительностью только для удобства светских сношений, никогда не удалось бы устроить общество для снабжения дешевыми игрушками детей болгарских семейств, лишившихся родителей во время последней войны, если б такой мысли не внушил ей Иван Иванович и не нашел денег для приведения ее в исполнение. Никогда княгине Зинзивеевой не устроить бы комиссии для предварительных мер против распространения золотухи и родимчика между детьми бедного сельского населения, если б не придумал этого Воскресенский и также не нашел для этого денег.

Деньги доставлялись жертвователями; но жертвователей доставлял Иван Иванович, и, в этом отношении, ему уже положительно цены не было. Всем известно, с какой трудностью достаются деньги; легче, кажется, взять пучок пуху и перекинуть его через большую реку, чем заставить кого-нибудь добровольно вынуть бумажник и — здорово живешь — предложить крупный куш. В этом Иван Иванович не встречал, по-видимому, большого затруднения. Жертвователи как бы сами собою к нему напрашивались.

Нельзя сказать, чтобы он обладал выдающимся красноречием. Когда он говорил в комитетах, половины его речи обыкновенно не было слышно; другая половина не представляла ничего особенно Цицероновского; чаще всего было смертельно скучно. Когда же он говорил с кем-нибудь из нужных ему людей с глазу на глаз, выходили совсем другие результаты; он точно владел тогда чарующей силой убедительности. По мере того, как он подвигался на служебном поприще и, с другой стороны, росло его влияние в дамских комитетах и на поприще благотворительности, число жертвователей заметно возрастало. К нему постепенно стали являться купцы всех разрядов, промышленники, деятели всякого рода, даже банкиры, — словом, все те, кто, не довольствуясь иметь деньги, искал еще чего-нибудь из благ земных.

Здесь, кстати, надо заметить, что Иван Иванович сам по себе был бескорыстен. Руководителем его сближений с богатыми людьми, бесцеремонным обиранием у них денег, служила только тщеславная цель возвышения и проникновения путем благотворительности, общественной пользы, добрых намерений, любви к человечеству. У него, как у всякого истинного мастера, вскоре, образовались ученики; из них возникла целая школа новых деятелей, нередко злоупотреблявших своим положением. Сам же Иван Иванович оставался с этой стороны безупречным. Он довольствовался своим жалованьем и жил весьма скромно. Но самое это бескорыстие незаметно помогало ему приближаться к намеченной цели; оно трогало женские сердца, увеличивало число поклонников и всем им служило оружием для защиты Ивана Ивановича против врагов и завистников.

Начальство Воскресенского посматривало иногда недоброжелательно на его успехи.

— Воля ваша, Воскресенский слишком уже, кажется, злоупотребляет вашей снисходительностью! говорили начальнику, — день-деньской трется между юбками и не выходит из дамских благотворительных заседаний и комитетов...

— Что ж делать?

— Как что? Нельзя же, в самом деле, служить и, в то же время, заниматься десятками дел, не имеющих никакого отношения к служебным обязанностям: положим, ему там выгоднее; его гложет тщеславие, он ищет популярности и находит ее... но это не резон. Вопрос так ставится: «Любишь, душенька, получать жалованье и казенную квартиру?» — «Люблю!» — «В таком случае одно из двух: выбирай службу или благотворительность!..»

— Но он мне нужен, возражал начальник.

— В чем же?

— Находчив! ворчливо заключал начальник, вертясь на своем кресле и как бы желая от него оторваться, но не имея на это силы.

И он был прав. В критические моменты не раз выручала его находчивость Воскресенского. В целом министерстве не было человека, более способного отыскать с такою быстротою какую угодно справку, сочинить за один присест докладную записку о чем угодно и кому угодно, и, наконец, если б вздумалось кому-нибудь существенно придраться к Ивану Ивановичу и пожелать сдвинуть его с места, теперь не так уже легко было это сделать.

С одной стороны, пришлось бы поднять на ноги чуть ли не половину женского населения столицы, с другой — пришлось бы воевать с графиней Можайской, которая, сама по себе, опаснее была всех остальных. С некоторых пор она явно покровительствовала Ивану Ивановичу. Покровительство выразилось тем, что Воскресенский вскоре оставил занимаемое им место и нашел другое, более видное, под начальством брата графини.

Он был представлен графине в начале своей благотворительной деятельности, вскоре после шума, наделанного проектом *о красных панталонах*. Графиня остановила на нем проницательные глаза и сказала: «Прекрасно; смотрите, только не пересаливайте!»... Слова эти врезались ему в память; он, в самом деле, стал

с тех пор осторожнее. Ближайшему знакомству помогли, — как было в его молодости при губернаторше, — услуги, доказавшие графине его преданность.

Графиня осталась в девушках и пережила свою шестидесятилетнюю весну. В женском персонале знатного общества не было существа более своеобразного; избегая лиц своего пола, она исключительно почти вращалась в кругу мужчин, выбирая тех, кто был умнее и сильнее. Не стесняясь никаким положением, она каждому резко и смело высказывала в глаза всю правду; ее слушали, потому что каждый за себя опасался. К резкости ума присоединялась пронизательность, часто приносящая пользу тому, кто умел ей понравиться. Крайне деспотическая и тщеславная, она, в то же время, презирала интригу, и, в общей сложности, в ней было больше склонности к добру, чем могло казаться с первого взгляда. Но добро, которое она могла делать с ее состоянием, мало-по-малу стало ограничиваться советами и пожеланиями; с годами в ней развилась скупость и страсть к деньгам. Слыша неоднократно от баронессы Бук, насколько Воскресенский распространен был в кругу денежных людей и сам был сведущ в финансовых операциях, графиня пожелала короче с ним познакомиться. Две-три удачные покупки и перепродажи ценных бумаг приобрели ему ее расположение. Со свойственной ему осторожностью, он, надо заметить, никогда лично не действовал; он обращался к тем, кто был надежнее и ловчее, шептал только на ухо, для кого предстояло действовать, и дело всегда увенчивалось успехом. Так постепенно вошел он в доверие графини и под конец сделался ее советчиком.

Случай окончательно помог ему в этом.

Графиня уезжала за границу заказывать приданое для племянницы. Накануне отъезда она пригласила Ивана Ивановича.

— У меня к вам просьба...

— Приказывайте, ваше сиятельство, наклоняя голову и смиренно опуская глаза, проговорил Иван Иванович.

— Вы знаете, я завтра уезжаю; у меня накопилось двадцать восемь тысяч; я не хотела бы брать их с собою: опасно и, притом, если возьму, непременно истрачу... Мы, женщины, только это и умеем делать...

«Знаю, голубушка, как ты это умеешь; меня еще, пожалуй, научишь»... подумал Воскресенский, продолжая сохранять почтительную позу.

— Прошу вас, Иван Иванович, возьмите от меня эти деньги и сберегите их до моего возвращения... или сделайте из них что-нибудь...

— До глубины души тронут доверием вашего сиятельства, но не скрою от вас; вы изволите возлагать на меня трудную обязанность... Чужие деньги... это... это... И вообще... продолжал Воскресенский, принимая строго озабоченный вид, — вообще денежные дела у нас теперь так шатки, так неверны... биржа в постоянном колебании...

— Все это может быть, только, вы знаете, я не люблю отказов...

— Если вы непременно этого желаете... не смею противиться...

Воскресенский принял пакет, сосчитал деньги и, уложив их в карман, явился на другой день провожать графиню.

Но графиня перед отъездом рассчитала расходные свои деньги до такой степени в обрез, что, спустя две недели, принуждена была написать Воскресенскому о высылке еще трех тысяч. За этим письмом Воскресенский получил другое, с таким же требованием.

Возвратясь в Петербург уже к осени, графиня немедленно попросила к себе Воскресенского.

— Мне совестно смотреть на вас, Иван Иванович, сказала она, пристально, тем не менее, глазами авгура поглядывая на собеседника, казавшегося печальным и расстроенным, — право, совестно... Я, впрочем, говорила вам: мы, женщины, умеем только мотать... И уж этот Париж! Это просто ужасно!..

— Да, графиня, да... это ужасно, произнес Иван Иванович с выражением сосредоточенной грусти.

— Не тяните, пожалуйста, говорите прямо: что вы сделали?

— Немного, графиня... я едва...

— Я это предчувствовала! перебила графиня, сдвигая брови.

— Я имел честь докладывать вам перед отъездом о том, как вообще шатки наши денежные дела, как мало можно теперь полагаться на биржу...

— Ах, как тянет, как тянет! воскликнула графиня, судорожно перебирая сухими пальцами. — Ну!..

Воскресенский поднял глаза, едва приметно улыбнулся и произнес, подавая пакет:

— Здесь все, что удалось мне сохранить и сделать из ваших денег...

В пакете оказалось тридцать одна тысяча.

С этого дня к Воскресенскому перешло управление по всем делам не только графини, но и графа.

Последнее было легче, так как граф, в противоположность сестре, меньше жил на земле, чем витал на высотах, куда занесли его отчасти особенные обстоятельства, отчасти куда он сам себя вознес, искренно веруя в величие своего призвания. Чем очевиднее доказывала служебная карьера, что граф, получив в

наследство от матери ее доброе сердце и мягкий нрав, не наследовал, вместе с тем, от отца его блестящих способностей, тем упорнее было его стремление к разрешению высших вопросов, клонившихся ко благу отечества и преуспеванию его сил извне и во внутреннем строе.

Не проходило года без того, чтоб граф не подавал какого-нибудь проекта, имевшего ближайшею целью спасти ту или другую часть государства. Но потому ли, что в проектах приводились по большей части идеальные мысли, не отвечавшие сухим условиям практического века, потому ли, что в самом способе изложения мыслей заключалось меньше ясности, чем красоты слога, проекты графа оставались без всякого применения и всегда складывались в архив.

Ошибочно было бы думать, что лица, пользующиеся высоким почетом в свете, пользуются тем же почетом в кругу служебных деятелей; им здесь точно так же кланяются и выказывают знаки внимания, но только до той минуты, пока они не начнут излагать своих соображений; как только дело доходит до соображений, почтительное выражение на лицах мгновенно сменяется тоскою и унынием, взгляд слушателя становится рассеянным и начинает как бы искать чего-то на стороне; на губах появляется та же снисходительная улыбка, с какою прислушиваются обыкновенно к невинному детскому лепету, Словом, положение здесь совсем не то, что в свете.

Странно было то также, что умственный взор графа, задумчиво всегда устремлявшийся к дальнейшим горизонтам, приводил его чаще всего к самым мелочным вопросам жизни. Ум у него был изобретательный, но свойства ума приводили к изобретениям, которые начинались всегда как-то с хвоста, доходили до туловища и никогда не кончались головою; они никогда не стояли плотно на ногах, но больше ходили на руках, а ноги были кверху; в основе преобладала всегда добрая мысль, но ее всегда портил оттенок чего-то недоделанного и детского. Вдруг неожиданно возникла мысль: — облегчить тяжесть ломовых лошадей или содействовать к уничтожению тараканов и клопов в избах бедных поселян. Он сам очень хорошо сознавал, что все это была мелочь; но серьезные его предложения не встречали сочувствия и не принимались; ум, между тем, постоянно возбуждавшийся желанием добра и пользы отечеству, настоятельно требовал деятельности.

В этот самый период разочарования, Воскресенский особенно пришелся по вкусу графа. Не прошло года, граф сидел в благотворительности, как птица сидит в клетке. Он нашел в ней утешения, которых тщетно искал в государственной службе; она открыла перед ним новые горизонты, давала новую пищу не только голове, но и сердцу. В тот же год основано было несколько новых комиссий для различного рода содействий и развития. Покровительство графа вскоре распространилось и на другие общепользные благотворительные учреждения, школы, училища, богадельни. Дамы покровительницы и председательницы, подстрекаемые Иваном Ивановичем, всюду встречали графа с распростертыми объятиями. Портрет его, изданный по подписке между служащими, которым Воскресенский шепнул на ухо, не замедлил украсить на видном месте стены множества заведений. Граф был, наконец, оценен и, главное, понят. В усердии своем он, прежде всего, обратил зоркий взор на экономов; им в первое время житья не стало. Граф неожиданно налетал во время обеда, и Боже сохрани, если сиротская каша отзывалась тухлым! «Вон, сейчас вон! Вон без рассуждений!» Взамен этого он не знал, как обласкать и куда посадить великодушных людей, являвшихся к нему с пожертвованиями на общественную пользу. Он награждал их широкою рукой, охотно, всегда удовлетворяя их просьбам, которые подносились обыкновенно Воскресенским при докладе.

Увлечение графа в пользу благотворительности не приносило малейшего вреда административной машине, находившейся под его управлением. Дела шли своим чередом. Машина, заведенная его предшественником, продолжала неустанно работать, выпуская ежедневно сотни номеров бумаги, исписанной самым отборным почерком. С этой стороны граф был совершенно покоен. Его несравненно больше озабочивал новый проект. Инициатива проекта принадлежала Ивану Ивановичу, но обработка деталей всецело принадлежала графу. Уже само название: «О всеобщем, всестороннем распространении благотворительности в Российском государстве», достаточно указывало на важность проекта.

Суть его заключалась в устройстве обширного центрального образцового учреждения, управлению которого должны были подчиниться все общепользные и благотворительные общества не только обеих столиц, но самых отдаленных углов провинции. Центром учреждения был образцовый приют для взрослых и малолетних неимущего населения. Вокруг группировались три разряда школ и мастерских по степеням возраста, музей для образования изящного вкуса, склад и магазины для сбыта предметов производства, но с тем, чтобы выручаемые деньги шли частью на покрытие расходов, частью служили основанием эмеритальной кассы для тех из воспитанников, которые выкажут особое благонравие. В нижнем этаже помещались службы, кухня, столовая и склад для белья и одежды; один из флигелей второго этажа на солнечной стороне предназначался для приема грудных детей и кормилиц, другой для классных комнат и спален мужского детского отделения. Средний двор предполагалось покрыть стеклянным куполом для защиты детей и их воспитателей от дурной погоды во всякое время года. Здесь устраивался детский сад, имевший двойную цель: в середине помещались все новейшие приспособления, игры, гимнастика,

содействующие физическому развитию; по стенам развешивались картины и печатные правила такого содержания, которое непосредственно должно было улучшать нравственные чувства питомцев. Угол здания оканчивался церковью и помещением для причта; противоположный угол отдавался канцелярии; рядом была зала совета. Отсюда уже «живительными благотворительными лучами», — так сказано было в проекте, — должны были расходиться во все стороны распоряжения и предписания, которыми предполагалось руководить действиями всех остальных благотворительных обществ империи.

Расход по исполнению проекта отвечал величавости его размеров. Но деньги стали являться как бы волшебству. Особенно великодушно выказали себя в настоящем случае купцы хлебородных губерний, сибиряки и евреи. Между последними нашлись такие, которые не удовольствовались единовременным вкладом, но обязались еще поддерживать новое учреждение ежегодными взносами. Один купец, обращавшийся письменно к Ивану Ивановичу по какому-то делу, сразу пожертвовал пятьдесят тысяч.

Иван Иванович, знавший по опыту, что всякое чувство, — не включая великодушия, — требует для своего проявления известной степени возбуждения, исподволь подготавливал для таких случаев особых специалистов. В числе их, как самый способный, считался некто Блинов, человек, мелкого купеческого состояния, но с юности одержимый страстью к вицмундирной форме, чинам и знакам отличия. Поощряя Блинова, выводя его в люди, Иван Иванович не столько вознаграждал его заслуги, сколько воодушевлялся желанием выставить Блинова, как живой пример того, куда может привести истинное усердие человека простого знания. Появление Блинова в кругу купечества производило магическое действие. Стоило ему, по методу Ивана Ивановича, отвести в сторону любого, шепнуть несколько слов, смотришь: там, где ничем в мире нельзя было выманить алтына, тысячи вылетали, как стая испуганных воробьев. Искусство Блинова часто приводило к тому, что купец жертвует, да еще в придачу застает за свой счет роскошный завтрак или обед при открытии учреждения, или соберет подписку для поднесения ему же, Блинову, ценного подарка или жетона с его шифром, выведенным брильянтами. Раз даже жертвователями предложена была стипендия имени Блинова. Словом, денег нашлось в достаточном количестве. Город, — великодушный, как всегда, когда умеют подойти к нему близко, начав издавлек, на что Иван Иваныч был такой мастер, — пожертвовал с своей стороны землю на Выборгской.

Затем образовались два совета: один — *строительный*, другой — *наблюдательно-административный*, уже под председательством графа.

В скором времени последовала закладка, сопровождавшаяся, как водится, завтраком, на котором сказано было несколько коротких, но глубоко-прочувствованных речей.

Благодаря неусыпной деятельности Ивана Иваныча, которому, во всем этом, как сам он говорил, ничего не нужно было, «кроме того, чтобы удостоиться быть выбранным в церковные старосты», здание через год стояло уже под крышей. Спустя еще год, оно было совершенно готово. Оставалось только покончить с украшениями церкви; они, главным образом, и задерживали открытие. Но в этом нельзя было винить Воскресенского. Вина всецело падала на архитектора, человека прекрасного во всех отношениях, но, к сожалению, старого и, притом, задавшегося несчастной мыслью выстроить церковь в греко-византийском стиле, требовавшем весьма кропотливой детальной раскраски.

Переговорить об этом обстоятельстве имелось, между прочим, в виду у Ивана Иваныча, когда он утром ехал к графу с докладом.

III

— Ваше превосходительство, его сиятельство просят вас пожаловать в уборную! почтительно проговорил камердинер, отворяя обе половинки двери в кабинет графа.

Воскресенский взял без торопливости со стола портфель и сигарный ящик и направился через кабинет к маленькой лакированной двери; она провела его в просторную комнату, обитую ситцем, на образец палатки; мягкий синий ковер покрывал пол; свет в нижней части окон смягчался голубою тафтою; большие складные ширмы, обитые тем же ситцем, как стены и потолок, заслоняли кровать и туалетные принадлежности, распускавшие запах одеколona.

В больших стеганых креслах, перед столом с знакомым чайным прибором, сидел граф. Ему было шестьдесят лет, но он прекрасно еще сохранился; статный, свежий, в высшей степени представительный, он в молодости осуществлял тип красавца-мужчины. Лучшим украшением его круглого, гладко выбритого лица была, однако же, бесспорно, его добрая, сияющая улыбка; она справедливо заслужила ему прозвище *именинника*. Граф не мог только сохранить волос; они заменялись черным париком, приправленным на старый фасон с завитками у висков и хохликом на маковке. Граф был в белом галстуке, едва отделявшемся на его белой полной шее, и в длинном до пят коричневом сюртуке, представлявшем нечто среднее между пальто и халатом.

— Здравствуйте, Иван Иванович! Какая сегодня погода?